

ЕЛАГИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

7

К. Э. Кузнецова

Вклад моряков-декабристов в науку и культуру России

Декабристы отнюдь не «горстка офицеров», замыслившая военный переворот во имя народа. Это — мыслящая Россия!

Бригитта Иосифова. «Декабристы»

В фондах Российского государственного архива Военно-морского флота отложились весьма обширные материалы, связанные с декабристами. Это документы, в которых приводятся описания событий 14 декабря 1825 года, сведения об участниках восстания, о работе следствия и т. д.

Весьма интересной также представляется тема, связанная с вкладом деятелей декабристского движения в науку и культуру России, в частности представителей Гвардейского морского экипажа — самого значительного по численности и организованности среди восставших.

Тридцать два будущих декабриста получили образование в Морском кадетском корпусе: А. Арбузов, братья Бестужевы, Беляевы и Бодиско, Д. Завалишин, М. Кюхельбекер, А. Иванчин-Писарев, В. Романов, К. Торсон, Н. Чижов, В. Штейнгель и другие. Большинство из них, преданных флоту, стремились реализовать свои способности и возможности, усовершенствовать себя, добросовестно, творчески и вдумчиво относясь к службе, чем внесли значительный вклад в науку, в конкретные ее направления, как-то: гидрографию, метеорологию, океанографию и др., а также в преобразование флота — укрепление и совершенствование его частей, включая вопросы кораблестроения. Этими вопросами серьезно занимался капитан-лейтенант К. Торсон, а позднее — его помощник М. Бестужев.

В РГАВМФ частично отложились материалы, связанные со службой моряков — будущих декабристов. В первой четверти

XIX века Россия сделала важные открытия «по части географической». Многие из будущих декабристов участвовали в дальних и кругосветных плаваниях: на Русский Север к Новой Земле — М. Кюхельбекер (1819), Н. Чижев (1821–1822); к Южному полюсу в экспедиции Ф.Ф. Белинга — К. Торсон (1819–1821); к берегам Европы: Голландии и Франции — Н. Бестужев (1815 и 1817); к берегам Испании — В. Романов (1818); по маршруту Франция — Северная Африка — Гибралтар на фрегате «Проворный» в 1824 году — Н. Бестужев, А. Беляев, М. Бодиско, П. Миллер, Е. Мусин-Пушкин и В. Шпейер (все они были привлечены по «делу 14 декабря»); к берегам Камчатки — В. Штейнгель (1803); к берегам Северной Америки и Калифорнии — В. Романов (1820), М. Кюхельбекер (1821–1823), Д. Завалишин и Ф. Вишневы (1822–1824).

Плавания и экспедиции имели различные цели: торговые, экономические, доставка грузов на Камчатку и в Русскую Америку и охрана ее берегов, ученые изыскания, решение географических проблем — открытие Южного материка или поиски Северного прохода между Атлантическим и Тихим океанами. Но, кроме того, перед всеми моряками, уходившими в дальние плавания, ставились задачи проведения наблюдений и научно-исследовательских изысканий: метеорологических, океанографических, астрономических, магнитных. Требовались также картирование берегов, в том числе и вновь открытых островов и целого континента — Антарктиды и сбор этнографических, ботанических, зоологических и минералогических коллекций. Результаты этих серьезных наблюдений и исследований, проводившихся во время тяжелых плаваний и при обследовании новых земель и островов, существенно обогатили отечественную науку. Сведения о них сохранились в виде отчетов, записей в вахтенных журналах, а также в виде записок, рассказов и описаний участников экспедиций. Например, журнал «Сын Отечества» опубликовал в 1819 году «Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля» В. Штейнгеля (работу, не потерявшую своего значения и сегодня). В 1823 году была напечатана статья Н. Чижова о результатах двух его плаваний в экспедициях Ф.П. Литке к Новой Земле (о протяженности берегов острова, о проливе Маточкин Шар, о заливах, климате, льдах и животном мире). Журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» напечатал в 1818 году статью Н. Бестужева «Об электричестве в отношении к некоторым воздушным явлениям»,

в 1821 году — «Записки в Голландии 1815 г.», в 1822 году — «Опыт истории Российского флота». В 1825 году в «Записках, издаваемых Адмиралтейским департаментом» напечатана «Выписка из журнала плавания фрегата «Проворный» в 1824 г.». К.П. Торсоном составлены «Записки об экспедиции к Южному полюсу в 1819–1821 гг. на шлюпах «Восток» и «Мирный». Предполагают, что их ранний вариант вошел в состав известного труда Ф.Ф. Беллинсгаузена (подлинные труды Торсона, в том числе и эти «Записки», пока, к великому сожалению, не обнаружены). В журнале «Отечественные записки» в 1820 году был опубликован отрывок из походных записок об Испании В.П. Романова, а в «Северном архиве» в 1825 году — его работа об индейцах северо-западного берега Русской Америки «О колюжах или калошах вообще», в которой приводится интересный этнографический материал.

Особенно надо отметить значение деятельности Н.А. Бестужева, который обратил на себя внимание во время дальних плаваний к берегам Европы (1815 и 1817) и «усердной службой» на должности помощника директора маяков Балтийского моря, а также работой по исследованию Финского залива, в частности острова Гогланд и побережья. После прикомандирования к Адмиралтейскому департаменту по предложению Г.А. Сарычева в марте 1822 года Н. Бестужеву было поручено «составление выписок из морских журналов, касающихся до Российского флота» (в РГАВМФ есть документы о том, где и какие сведения находил Н. Бестужев), в результате чего им был написан «Опыт истории Российского флота». Николай Александрович довел свое исследование только до 1714 года. Несмотря на незавершенность, труд Н. Бестужева явился первым глубоким исследованием истории военного флота России за первое тысячелетие его существования (с IX по XIII век) и получил признание общественности. Н.А. Бестужев по праву является первым историографом флота России (первой «расшифровала» рукопись Бестужева исследователь Г.Е. Павлова). Заслугой Н.А. Бестужева является также разбор материалов «музеум-камеры» и приведение в порядок и систематизация морского музея страны.

Константин Петрович Торсон, активный участник «Южной экспедиции 1819–1821 гг.», в результате которой была открыта Антарктида, «человек идеальной честности и практической пользы», своими письмами царю из крепостей (Свеборга и Петропавловской) завершил свои проекты по техническому перевооружению

кораблей и кадровой реорганизации службы на российском флоте — «всё то, что в продолжении службы собрал полезного для флота». Государь распорядился созданием Комитета образования флота, и на его рассмотрение была передана записка капитан-лейтенанта Торсона под названием «Предложения об организации службы в экипажах, морских учебных заведениях и на кораблях», присланная на имя царя. Предложения касались корабельных экипажей, действий артиллерии на корабле, системы образования офицеров и матросов на корабле, занятий экипажей на берегу, обучения кадетов; морской обороны портов, офицерских казарм, денщиков. Автор коснулся даже вопроса работы и (весьма патриотично) состояния руководящих кадров на Ижорских Адмиралтейских заводах.

Заседания комитета проходили в начале июля 1826 года и закончились пространным заключением: «...хотя некоторые предложенные Торсоном предметы имеют хорошую цель к улучшению частей флота... но... не заключают в себе особенного...». Итак, «Комитет по сему положил: означенные изъяснения Торсона совокупно с прежними, как не дельные и ничего нового для пользы флота не открывающие, принять к сведению, всеподданейше донеся об оном Е.И.В. ...». Никакого другого отзыва ожидать и не приходилось, ибо он заседал в дни вынесения сурового приговора «государственным преступникам» и его исполнения.

Известно, что правителю дел Следственного комитета А.Д. Боровкову было поручено Николаем I составить «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства». «Сознавая неотвратимость проведения в жизнь программных положений декабристов», годами император «черпал из него много дельного». Николай I внял советам изучить особенности службы на флоте, ввел для себя правило регулярно посещать корабли, выходить на них в море, посещать (как правило, без предупреждения. — К.К.) учебные заведения и провел кадровую реорганизацию в Морском ведомстве. Много лет спустя в своих «Воспоминаниях» В.И. Штейнгель писал о «письмах к царю» Торсона: «...настоящее положение флота и портов свидетельствует, как они были полезны».

После вынесения сурового приговора в течение тридцатилетнего пребывания в Сибири (на каторге и поселении) декабристы на практике реализовали основные созидательные положения своих программ: каторжная академия в казематах Читы и Петровского

Завода — для себя; школы для местных детей — в местах своего поселения. Многие «государственные преступники» (в том числе и декабристы-моряки) внесли значительный вклад в науку и культуру страны, «возобновив свою деятельность по изучению Отечества», в тяжелейших условиях ведя и систематизируя свои наблюдения по метеорологии, ботанике, климату, этнографии народов в местах своего проживания.

«Руководителем моряков и в то же время центральной фигурой, нравственной силой декабристов» был Николай Бестужев. Его огромная эрудиция и талант, требовательность к себе и другим, пытливость в достижении целей, работоспособность и готовность прийти на помощь другим снискали ему абсолютный авторитет среди товарищей.

Селенгинск (ныне Новоселенгинск), где после тюрьмы поселились моряки Константин Торсон и братья Николай и Михаил Бестужевы, стал «морской Меккой» в Забайкалье. Там учили детей бурят, занимались многими науками, например, вели метеорологические и климатические наблюдения, также вели обширную переписку и были в курсе последних флотских новостей.

Николай Александрович исследовал явления атмосферного электричества и разрабатывал новый корабельный хронометр, знакомился с бурятским хозяйством и национальными обычаями и написал интереснейшую в этнографическом плане статью. Он обошел близлежащее красивейшее Гусиное озеро, обследовал его воды и недра берегов, обнаружив каменный уголь и немало полезных минералов, и написал очерк. Буряты платили Николаю Бестужеву неизменно любовью и называли Красным Солнцем.

Михаил Александрович реализовал отличные способности изобретателя еще в начале 1820-х годов, занимаясь вместе с Торсоном вопросами кораблестроения теоретически и практически на корабле «Эмгейтен». На поселении же он занимался проектом гидравлического движителя, позже, в 1857 году, описал свое изобретение в письме гидрографу вице-адмиралу М.Ф. Рейнеке, с которым у братьев Бестужевых была переписка. В Селенгинске М. Бестужев составил чертеж и с братом Николаем построил новый легкий и удобный для «диких степей Забайкалья» экипаж — «сидейку», или «бестужевку», как называли его в округе. Было даже налажено небольшое производство «сидеек», и мне довелось в 1985 году увидеть сохранившийся экземпляр в краеведческом музее города Кяхты. Велико и литературное наследие Михаила Бестужева:

«Воспоминания» о замечательной, сплоченной семье Бестужевых (три сестры приехали к братьям на поселение), о товарищах по флотской службе и по Сибири, о достопамятном пешем переходе декабристов из Читы во вновь построенную тюрьму Петровского Завода.

Константин Петрович Торсон освоил на поселении земледелие и свои способности изобретателя вложил в разработку чертежей сельскохозяйственных машин, облегчающих тяжелый ручной труд. Первой из этих машин была молотильная. К. П. Торсон возобновил также работу над рукописью о флоте, написал «Опыт натуральной философии о мироздании» и свои «Воспоминания о путешествии к Южному полюсу». Судьба рукописей Торсона, включая «Записки об открытии Антарктиды», неизвестна (хотя его сестра, Екатерина Петровна, приехавшая сюда вместе с матерью вскоре по «выходе на поселение» брата, приняла меры к сохранению бесценного наследия после кончины Константина Петровича). Из всего написанного только один «Чертеж с описанием молотильной машины» сегодня находится в Российском государственном историческом архиве (РГИА). К сожалению, неизвестно местонахождение портрета К.П. Торсона, наверняка написанного его другом Николаем Бестужевым.

«Мы первые явились в Сибирь людьми из высшего сословия, вполне доступные, при том с правилами, совершенно противоположными тем, какие жители привыкли видеть в высших себя и в начальниках... Оттого от нас никто ничего не таил и... открывали нам то, что никогда не открыли бы правительству. Оттого-то нам и можно было изучать край в действительной его истине». Так писал лейтенант Дмитрий Иринархович Завалишин о далеком крае России, где декабристы провели долгие трудные 30 лет жизни. Велико научно-публицистическое и литературное наследие Д.И. Завалишина. В 1822–1824 годах он участвовал в кругосветном плавании на фрегате «Крейсер», посетил Русскую Америку и Калифорнию, проехал всю Россию. В силу своих способностей и энциклопедических знаний, аналитического склада ума и активности ко времени высылки на каторгу он имел уже, несмотря на молодость, солидный багаж знаний. Он обратил его на пользу этого края: проводил метео- и климатические наблюдения, вычертил (составил) карту Забайкалья, а будучи уже на поселении в Чите, спланировал улицы подобно столице; собирал статистические сведения о Чите; повышенное внимание проявлял к проблемам

и использованию Амура — одной из самых значительных и важных рек Забайкалья и Востока России — в связи с освоением с середины XIX века этого края русскими. Оставшись после амнистии в Чите, Д. Завалишин многие годы боролся со злоупотреблениями и лихоимством местной власти, которая, не выдержав, добилась его высылки из Забайкалья (редкий случай!), и с 1863 года Д. И. Завалишин поселился в Москве. До конца своей долгой жизни Дмитрий Иринархович «настойчиво доказывал необходимость укрепления позиций России на Северо-Востоке, имеющем большое политическое и экономическое значение для страны». В Москве декабрист работал над «Записками о плавании на фрегате «Крейсер» и своими «Воспоминаниями». Дмитрию Иринарховичу удалось опубликовать многие свои работы в «Морском сборнике», в «Вестнике Географического общества», в «Московских ведомостях», «Северной пчеле», «Русском вестнике». Последний декабрист умер в Москве в 1892 году. «Записки декабриста Д.И. Завалишина» впервые были опубликованы в Мюнхене в 1904 году, первое русское издание состоялось в 1906 году в Санкт-Петербурге.

Заканчивая краткий и далеко не полный перечень научных тем, которые разрабатывали «государственные преступники» — декабристы-моряки на поселении в Сибири, — не могу не назвать еще двух исследователей, значительно пополнивших своими трудами копилку отечественной науки. Это В.И. Штейнгель и М.К. Кюхельбекер.

Владимир Иванович Штейнгель, проведя на поселении в Западной Сибири 20 лет (с Елань под Иркутском, г. Ишим Тобольской губернии, г. Тобольск, г. Тара, снова г. Тобольск), заинтересовался более других Ишимским округом. Проанализировав географическое положение округа, территория которого равнялась многим губерниям в европейской части России, дав характеристики главных рек, озер, климата, сведения о народонаселении, эпидемиях, волостях и населенных пунктах (числом 448), а также о сельском хозяйстве, промышленности, торговле, Штейнгель составил развернутое «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии». В 1843 году ему удалось опубликовать этот труд в «Журнале Министерства внутренних дел» под именем ишимского купца Н. Черняковского. Монография не потеряла своего научного значения и в наши дни, судя по тому, что ею заинтересовались осенью 2013 года в редакции журнала «Врата Сибири» (г. Тюмень).

Лейтенант Михаил Карлович Кюхельбекер отмечал: «О России русские мало пишут, иностранец же, самый даже благонамерен, о ней, может быть, менее, чем о какой другой земле, в состоянии сказать что-нибудь верное... и на всё смотрит чужими глазами. Притом большей частью пребывание заграничных гостей в России кратковременно. Итак, мудрено ли, что немцы, французы, англичане и пр. печатают столько вздору про матушку Россию?..» (очерк «О Забайкальском крае»).

Оказавшись в 1831 году на поселении на северо-востоке озера Байкал, в Баргузине, Михаил Карлович поставил себе целью — по возможности — всестороннее изучение края. Результатом явился очерк «Забайкальский край» (1836). В очерке дана подробная характеристика озера Байкал («именуемого Священным морем»), автор отмечает необходимость тщательного его исследования в геологическом отношении (что было вне возможностей поселенца Кюхельбекера. — К.К.), отмечает разделение Забайкалья на три гидрографические сети: Байкальскую, Амурскую и Ленскую; причем Байкальскую подразделяет на Ангарскую, Баргузинскую и Селенгинскую. Также он высказывает предположение о возможности и необходимости создания системы внутренних сообщений — каналами — не только Забайкалья, но и всей Восточной Сибири, что имело бы исключительно важное значение для экономического и культурного развития края. Это, по словам автора, «хотя по огромному пространству и переходит за предел сбыточного, однако не за предел же возможного». В очерке затронуты и другие жизненно важные вопросы географии края: климат, почвы, полезные ископаемые (рудные месторождения и др.), состояние сельского хозяйства, животноводства, торговли, промыслов местного населения.

Итак, этот труд ссыльнопоселенца, бывшего лейтенанта Гвардейского экипажа М.К. Кюхельбекера явился «одной из первых комплексных природоведческих характеристик Забайкалья». Очерк М.К. Кюхельбекера о Забайкальском крае оказался забытым. Михаил Карлович отправил его знакомому издателю Н.И. Гречу для журнала «Сын Отечества», однако в печати очерк не появился, а оказался в архиве III отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. Ныне эти документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ).

Баргузинская учительница В.Я. Токарева, потомок жены декабриста-моряка, написала в своей автобиографии: «У Кюхельбеков было свое хозяйство, которое Михаил Карлович с истинным

флотским подходом вел очень разумно, с пользой не только для себя, но и односельчан. До сих пор «Карлыча» в Баргузине поминуют добрым словом за его оросительную систему, за те «чужачества» поселенца, от которых пошли в этих местах посе­вы пшеницы, овощей, разведение цветов и фруктовых садов».

Нельзя обойти молчанием вклад в науку и тех моряков, кого не так сурово коснулась «десница государева», кто наказание (за осведомленность о тайном обществе или выход 14 декабря на Сенатскую площадь) отбывал не в казематах Читы и Петровского Завода.

А.М. Мичман Иванчин-Писарев из Петропавловской крепости был переведен «на службу в Архангельск под бдительный надзор начальства» и принимал участие в Беломорской экспедиции под начальством известного гидрографа М.Ф. Рейнеке, близкого друга Н. Бестужева. Беломорская экспедиция в течение шести лет выполняла важные гидрографические исследования в Белом море (опись, промеры, магнитные наблюдения, картирование берегов). А. Иванчин-Писарев заслужил высокую оценку своей работы от начальника экспедиции.

В итоговых трудах Беломорской экспедиции — «Атласе Белого моря» (1833) и в двухтомном «Гидрографическом описании Северного берега России» М.Ф. Рейнеке (1850) — есть лепта и лейтенанта (с 1828 года) Алексея Михайловича Иванчина-Писарева.

Лейтенанта В.П. Романова из Петропавловской крепости «высочайше повелено отправить на службу в Черноморский флот и ежемесячно доносить о поведении». К его уже богатому опыту плаваний (вокруг Европы и на восток, к берегам Америки) и значительному опыту проведенных исследований прибавилась служба на Черном море с участием в боевых действиях у кавказского побережья, в эскадре М.П. Лазарева у турецких берегов, а также в Крымской войне — в обороне Севастополя. Научные труды Владимира Павловича — «Замечания о рейде при Сухум-Кале» (1829), опубликованные в «Записках Ученого комитета Морского Штаба»; его активная работа в Русском Географическом обществе; опись и картирование р. Днестр (1857). В.П. Романов был уволен со службы в 1861 году членом-корреспондентом Морского ученого комитета с чином контр-адмирала.

* * *

Николай Александрович Бестужев, находясь в тюрьмах Читы и Петровского Завода, создал серию портретов декабристов и их

жен. Кисть Бестужева-художника запечатлевала и окружающие пейзажи, и быт не только «государственных преступников» в Чите и Петровском Заводе, но и простого народа: «мастеровых, солдат, нищих, чего в Сибири до него никто не делал». В настоящее время работы художника находятся в нескольких литературных сокровищницах Петербурга, Москвы и Забайкалья (г. Иркутск и г. Кяхта). Всего сохранилось около 150 его рисунков.

«Кроме обширной морской части наук... я еще занимался литературою», — эти слова Михаила Бестужева по праву можно отнести и ко многим другим декабристам. Занятия литературным творчеством, несмотря на трудности тюремной жизни, начались еще в Чите. В Петровском Заводе уже проводились, по инициативе П. Муханова, литературные вечера, на которых читались «собственные сочинения или появившиеся в печати оригинальные произведения русского пера». Жанр и темы для своих сочинений каждый выбирал свободно, часто они были близки к историческим событиям, однако к таковым подходили особенно осмотрительно, опасаясь печальных последствий.

Литературное наследие декабристов тюремного периода дошло до нас в далеко не полном виде. Тем более что на просьбы авторов о публикации следовали либо отказ, либо молчание. Официально были разрешены публикации одному Александру Бестужеву-Марлинскому, ко времени ссылки в Сибирь (а затем — на Кавказ) уже широко известному в стране писателю. Несмотря на это известны воспоминания 27 декабристов, в том числе моряков: А. Беляева, братьев Бестужевых (Николая, Михаила и Петра), Д. Завалишина, В. Штейнгеля.

Мичман Гвардейского экипажа, участник трех дальних плаваний на кораблях Балтийского флота (Исландия, Англия, Франция, Гибралтар), Александр Петрович Беляев в своих мемуарах «О пережитом и перечувствованном»: писал: «Что мне в этом комфорте, в этих чудесах цивилизации!.. Как ни хорошо живет там... но всё родная песнь, родные степи... могучее племя с его простотой и величием, русское самоотвержение, русская вера — вот что надо русскому сердцу!».

На долю этого русского и его младшего брата Петра (тоже мичмана Гвардейского экипажа) выпало немало. Александр Беляев — один из организаторов тайного «Общества Гвардейского экипажа», а далее разделил с братом его судьбу: Сенатская площадь, Петропавловская крепость, Чита — Петровский Завод, поселение

и с 1840 года — служба рядовыми на Кавказе. Оба брата через шесть лет «за отличие» получили офицерские чины и возможность выйти в отставку... Было о чем поведать декабристу в своих «Воспоминаниях»!

В наши дни историей движения декабристов активно занимаются члены Декабристской секции Государственного музея истории Санкт-Петербурга. В секцию входят представители более двадцати декабристских фамилий, люди разных профессий — инженеры, историки и учителя, художники и военные, кандидаты и доктора наук. В секции долгие годы активно трудились и потомки моряка Д.И. Завалишина — два его внука (Б.И. Еропкин — лауреат Государственной премии, Ю.И. Еропкин — доктор геологических наук). Также посещают заседания секции потомки моряков К.П. Торсона и М.К. Кюхельбекера. Состоялась встреча и с потомком Н.А. Бестужева, приехавшим в Петербург в командировку из Владивостока.

Литература

- РГАВМФ. Фонды: 161, 166, 203, 212, 215, 315, 432, 578, 1191.
Воспоминания Бестужевых / АН, 1951.
Штрайх С. Я. Моряки-декабристы. 1946.
Шешин А. Б. Декабрист К. П. Торсон. 1980.
Штейнгель В. И. Серия «Полярная звезда», том 2. Вост.-Сибир. Изд., 1992.
Пасецкий В. М., Пасецкая-Креминская Е. К. Декабристы-естествоиспытатели. М.: Наука, 1989.
Завалишин Д. И. Воспоминания декабриста. СПб., 1906.
Беляев А. П. Воспоминания декабриста о пережитом и пережитом в нем.
Павлова Г. Е. Декабрист Николай Бестужев — историк русского флота. М.: Воениздат, 1953.
Бутов С. Исповедь моряков-декабристов. М., 2003.

С.-Петербург